

Поэты антологии «Уйти. Остаться. Жить»:

Гоша БУРЕНИН, Артур ВОЛОШИН, Катя ЯРОВАЯ, Макс БАТУРИН, Яков БУНИМОВИЧ, Янка ДЯГИЛЕВА, Вячеслав ЛИТУСОВ, Дмитрий ДОЛМАТОВ, Александр РУДНИЦКИЙ, Виталий ВЛАДИМИРОВ

Подготовка Бориса Кутенкова, предисловие Ольги Балла

В 2021 году в издательстве «Выргород» выходит третий том антологии «Уйти. Остаться. Жить».

Как и во втором томе (в обеих частях), его авторов объединяет не возраст ухода из жизни – а десятилетие, в котором это случилось (притом, как и прежде, всё это – люди, умершие или погибшие до сорока лет). На сей раз это девяностые годы. Как только составители антологии избрали такой принцип организации текстов, стало возможным видеть то, что, очень огрубляя, можно назвать поколенческими чертами и задачами.

Умершие до сорока лет в 1990-х – это почти исключительно люди 1950-х – 1960-х годов рождения. Поколений тут, таким образом, по меньшей мере два: разница в возрасте между старшим и младшим авторами книги – почти четверть века. Люди 1950-х, 1960-х и тем более 1970-х годов рождения различны по своей социальной и культурной ситуации, по культурным задачам. Но об общих чертах времени, о его настроениях и тяготениях, с которыми имел дело как с материалом каждый из авторов этого тома, говорить не просто можно, – необходимо. 1980–1990-е видны здесь как культурный материк; даже – два материка: историческое состояние было всё же очень разным. Скажем так: то был культурный материк, разломившийся надвое, – и разлом прошёл как раз по большинству авторов этого тома. Отчасти захвачена тут и эпоха более ранняя.

Важна и показательна именно разноуровневость и разнотильность вошедших сюда текстов, разномоцность авторов: от совсем юных, остававшихся при жизни неизвестными, до ключевых фигур русской культуры своего времени – как, скажем, ярчайший поэт-бард своего (и даже не только своего) поколения Янка Дягилев. Люди разных поколений и культурных пластов, они тут, именно в силу своей знаковости, яркости, характерности – те, чьё присутствие скрепляет всю конструкцию. Широта диапазона, сведение вместе известного и неизвестного делает картину особенно объёмной, позволяя видеть сквозной характер тем, идей, беспокойств этих десятилетий, воспринятых очень по-разному в разных точках тогдашней русской культуры и сообщивших ей цельность поверх всех разломов.

Составители антологии выявляют неявное, вытягивают в свет общекультурного внимания поэтов с обширных окраин страны, на которых тогда происходило многое, неизвестное в её горделивых центрах, её потаённую поэтическую жизнь – которая в общем-то и не скрывалась, просто страна была велика. Многие ли в Москве и Ленинграде-Петербурге знали «лидера томской поэзии 1980–1990-х годов» Макса Батурина? Игорь Буренин, представитель (наряду с Артуром Волошиным) Львовской поэтической школы, бывший, по словам Валерии Мориной, «легендой» во Львове, вряд ли был особенно известен за пределами города.

То было время бури и натиска, время интенсивного культурного формообразования, и некоторые из героев этого тома антологии активно формировали вокруг себя, как пишет Ирина Кадочникова о Максе Батурине, «среду, новый культурный контекст». У них локально была большая потребность в том, чтобы действовать и

мыслить глобально (тот же Батулин в своём Томске организовал не только «Общество левых поэтов», но и «Всемирную Ассоциацию Нового Пролетарского Искусства»). То было время культурных героев, первооткрывателей – что не только не отменяло разлитой в его воздухе катастрофичности, но стало прямым его следствием.

Гоша (Игорь) Буренин (1959–1995)

Родился в городе Лихене (Германия) в семье военного. Семья часто переезжала. В 1981 году окончил Львовский политехнический институт по специальности «архитектура». Долгое время работал главным художником во Львовском театре Бориса Озерова «Гаудеамус». Несколько лет прожил в Ленинграде; последние годы – в Ростове-на-Дону, где и был похоронен. Сборник «луна луна» вышел после смерти поэта тиражом 100 экземпляров.

на дне языка в голубиных потёмках живого –
за земли ушедшей под воду голодной низины
отдавший и вязкую спелость инжира в корзинах
и сизый в глубоком глотке голубеющий воздух –

по локоть навеки в капканах слепой ежевики
родимых ежей пересчитывать – бывшая воля –
но выдрать из гнёзд позвонков где живое нервно
первину от имени, ткань известковоязыких

в тени языка за раскованной косностью нёба –
гортанные дыры и чёрные сквозь ножевые –
какие миры вырезают дороги кривые
из круга камней и крапив перепонки и рёбер!

какие места! мы здесь чудом на дне побелевшем:
помёт на уступах и в корни ушедшая речка
и с миром совпавшие в сумерках – русло и рельсы
картина горы и гора над серпом побережья

время терпко: тебя не промолвлю пока
обрастая налётом небесного мела
я ещё только свод немоты потолка
трилобитный початок соборного тела

время – сумрак и глина ребристых аркад:
снится холод под утро и буквы предела –
в голубиное крошево готики белой
замерзает твоя хрупколётная ка

потерпи! я вернусь говорить на века
всею тяжестью дней ударяясь о небо –

как растительно выгнуты здесь облака
и окрепшего воздуха выпучен невод

где растут имена как моллюски в садках –
стрекоза и печаль наша хрупкая небыль
что в крови шевельнётся сочащийся стебель
и отнимут рассудок цветы и река

Артур Волошин (1962–1991)

Родился во Львове. Окончил среднюю школу. В 1981 году переехал с родителями в Москву. Рано начал писать стихи, с 16 лет выступал с их чтением. Писал до конца жизни.

Песня

С. А. Д.

Холодные струи струн
омывают плакучие персты.
Голоса горячий бурун,
молниями исчерканные листы.

Звука восход и закат
над сердцем, в котором горит лес.
Окоём пуглив и покат,
а мы ждём оттуда чудес.

Дымные голуби вылетают,
чистят коготь с пёрышек страниц.
А живые птенцы задыхаются – умирают,
не долетев до вдохновенных лиц.

1981

Сон

Не строй на песке искр
упрёков хвойный собор.
Вечно не могут вонзаться
его шпили в меня.
Он возведён...
Он осаждён,
гимны страха и ослепления
подпирают дрожащий свод.
Рухнул, взмахнув просветлённым взглядом.
Движения, формы и звуки
вмерзают в развалины.
Но, как уцелели свечи,
на заиндеветавшей стене?

Дрожат в руке ветра,
обжигают воскреснувшие наваждением зеницы...
Незачем охру растирать
закатом для рассвета.
Густых мазков водоворотом
солнце, над левым полушарием груди,
запеклось омутом одиноко глубоким.
Не хватило на большее красок,
у красной крови только чёрная тень...
Но чем нарисованы эти всепонимающие очи?
Неужели угольками наших глаз?

1980

Катя Яровая (1957–1992)

Екатерина Яровая родилась в Свердловске (ныне Екатеринбург). В 1971 году с семьёй переехала в Москву. Работала натурщицей, костюмершей во МХАТе, администратором в учебном театре ГИТИСа. Стихи и песни начала писать в 23 года. В 1988 году окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Написала около 300 песен. Выступала с концертами в Москве и других городах СССР. С успехом прошли её гастроли в США (1990–1991). Умерла от рака в Новосибирском Академгородке. Похоронена на Востряковском кладбище в Москве. Посмертно вышли музыкальные диски «Я снова вхожу в это небо...» (2003), «Рисует Время мой портрет...» (2007), «Прощание» (2009), «Катя Яровая. Трибьют» (2019), книга «Из музыки и слов. Песни и стихи» (М.: Издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской (Э.РА), 2003), книга Татьяны Янковской «Когда душа любила душу. Воспоминания о барде Кате Яровой» (СПб.: Алетейя, 2019), Стихи Кати Яровой звучат в художественном фильме «Территория» (2014). Действует сайт её памяти: <http://katyayarovaya.com>.

Тоненькие пальчики пальчики
прямо в душу
Берегитесь мальчики мальчики
молодых старушек

С лицами прекрасными страстными
с гибким станом
И с глазами ясными ясными
без обмана

Ведь ночами теплыми темными
вас лишают силы
Вас Самсоны сильные сонные
юные Далилы

Ах зачем вы верите верите
их глазам манящим
Сами не заметите смерти вы
от руки изящной

Девы бескорыстные чистые
не брильянты в уши
Украдут а чувства и мысли
и души ваши души

Ах душевладелицы делятся
с вами телом
Провернут на мельнице девицы
вас со знанием дела

Тоненькие пальчики пальчики
равнодушно
Прямо в душу мальчики мальчики
берегите души

Зачем фарфор саксонский,
германский, кузнецовский,
когда на свете есть

граненые стаканы,
в них видно без обмана,
в них видно распрекрасно,
где белое, где красное,
и их не перечесть.

Пусть вид неблагородный,
их любят всенародно,
из них веками пьют.

Граненые стаканы
не жалко, если бьются,
и к ним не нужны блюда,
и всюду продают.

Их бьют – они все живы,
не могут быть фальшивы –
не то что люстры-вазы-хрустали.
Когда-нибудь потомки
произведут раскопки,
отыщут не дома, не корабли,

а – граненые стаканы
расскажут без обмана
о жизни нашей странной,
о жителях Земли!

Удобные стаканы,
надежные стаканы
выходят на парад.

Да здравствуют стаканы!
Советские стаканы!
Отличные стаканы
шеренгами стоят
все в ряд!

ноябрь 1982

Макс Батурин (1965–1997)

Родился в Томске. Учился на историческом факультете Томского государственного университета, но не окончил. Работал сторожем, разносчиком телеграмм, журналистом. До 1994 года выпускал свои стихи в самиздате под лейблом «Библиотека юного бодхисатвы». В 1994 году у Макса вышла первая «настоящая» книга «Сказано вам русским языком!» (Новосибирск: ЦЭРИС). Был лидером томской поэзии 1980–90-х годов. Придумал «Общество левых поэтов», куда вошли Николай Лисицын и Андрей Филимонов. В 1989 году совместно с Андреем Филимоновым и Анатолием Скачковым объявил о создании Всемирной Ассоциации Нового Пролетарского Искусства. Вместе с Филимоновым написал роман-эпопею «Из жизни ёлупней» (опубликован в самиздате). Покончил с собой. Посмертно вышел наиболее полный на сегодняшний день сборник «Стихотворения» (Томск, 1997). Также публиковался в «Антологии русского верлибра» (сост. К. Джангиров. – М.: Прометей, 1991), и антологии «Нестолличная литература: Поэзия и проза регионов России» (сост. Д. Кузьмин. – М.: Новое литературное обозрение, 2001) и др.

Чтой-то седня разыгралась
Кровь за ужином в носу,
Все забрызгала – и брюки,
И блины, и колбасу.

Жестокий гипс бульварных монументов
бездонный морок солнечного яда
в твоей коллекции я редкая монета
моя зеленоглазая наяда

мы движемся закованные в близость
по улицам освобожденным солнцем
деревья райские в твоих глазах я вижу
сквозь празелень и синеву бессонниц

как сильно кровь из сердца расплескалась
я раздарил свои иммунитеты
живущим радостью
и я тебе достался
как бесполезная но редкая монета

Яков Бунимович (1962–1994)

Родился в Минске. Окончил Минский радиотехнический институт, работал программистом в проектной организации «Центральный научно-исследовательский и проектно-технологический институт организации и техники управления» (ЦНИИТУ). Переехав в Москву, пытался поступить в ГИТИС на режиссёрский курс Анатолия Васильева, но на экзамене поспорил с мэтром о путях современного театра, забрал документы и перешёл на театроведческий факультет. После окончания ГИТИСа работал корреспондентом в журнале «Театр» – ездил по СССР и писал статьи о спектаклях. Умер во сне от остановки сердца. Единственная книга вышла в 1999 году в минском издательстве «Надежда».

И вот я остаюсь один в комнате
с открытым окном
на белом листе бумаги отпечатывается
белый стих
незаметный отпечаток грусти
опасение опечаток
делает меня внимательным элегичным
добавляю пробел опасаясь неразборчивости
лишний пробел
Печальная судьба этого стихотворения
похожа на нашу сегодняшнюю встречу
которая не состоялась
потому что ты мне не позвонила
и не звонишь даже сейчас
когда ожидание
наполняется
неровным стуком машинки
в закрытую дверь тишины
Судьба этого стихотворения печальна
Изначально

Звуковое письмо

Музыка возможности
Звонок
Слово полёт
Полёт слова
Пространство где ты слышишь свой голос
Не как тень но как музыку ветра
Шелестением листьев ветви движением
Встречает поток молчания
И это человек и его мир
И это имя которое можно произнести
И это человек и его миф
Который до времени – в неизвестности

А миф – это слово
А слово – это полёт и звук
это рука и буквы (которых не видишь ты)
А слово – это далёкий друг
Свет возникающий из темноты
Музыка возможности

Янка Дягилева (1966–1991)

Певица, участница панк-групп «Янка», «Гражданская оборона», «Великие Октябри» и др. Одна из самых ярких представительниц сибирского экзистенциального андеграунда конца 1980-х годов. Родилась и жила в Новосибирске. Своими песнями очень быстро завоевала известность и уважение среди любителей рок-музыки. При жизни фактически не была замечена официальными средствами массовой информации – во многом потому, что не стремилась к популярности и не содействовала каким-либо образом «раскрутке» своего имени (в частности, отклонила предложение фирмы «Мелодия» о выпуске диска). Обстоятельства смерти до конца не выяснены. Официальный вывод следствия – утопление в результате несчастного случая; распространена также версия самоубийства. Сохранилось множество аудиозаписей. После смерти Дягилевой вышло несколько книг стихов, в частности: «Стихи» (М.; СПб.: Летний сад, 2003); «Выше ноги от земли» (М.: Выргород, 2018).

Мы по колено

Мы по колено в ваших голосах
А вы по плечи в наших волосах
Они по локоть в тёмных животах
А я по шею в гибельных местах
Мы под струёй крутого кипятка
А вы под звук ударов молотка
Они в тени газетного листка
А я в момент железного щелчка
 Мы под прицелом тысяч ваших фраз
 А вы за стенкой, рухнувшей на нас
Они на куче рук, сердец и глаз
 А я по горло в них и в вас и в нас

август 1987

Ждём с небес перемен – видим петли взамен
Он придёт, принесёт. Он утешит, спасёт
Он поймёт, Он простит, ото всех защитит
По заслугам воздаст да за трёшку продаст
Будет радость, почёт – только встань на учёт
В простыне на ветру по росе поутру
От бесплодных идей
 до бесплотных гостей
От закрытых дверей

до зарытых зверей
От заткнутых ушей
до толкнутых взащей
От накрытых столов
до пробитых голов

Омск, июнь 1987

Вячеслав Литусов (1973–1999)

Родился в 1973 году в Петразоводске (Карелия, неподалеку от Финляндии) в будущей офицерской семье. Детство провел в городе Свердловске, откуда в 1987 выехал в Вятку (Киров). В 1991 году поступил в Кировский медицинский институт, откуда год спустя ушел в местный пединститут на филологический факультет. В 1992-93 годах начал работать в журналистике. Занятие это было продолжено и в Екатеринбурге, куда вернулся в 1996 году. В период учебы занимался рок-музыкой, издавал самиздат-журнал «12-13». Был близок к екатеринбургской литературной группе «Калевала-97».

Городским, аммиаком пропахшим, снежком
заметает февраль.
Перекачивать в горле комок
и листать календарь.
Свой простуженный голос
в глухое окно подавать,
не желая вставать,
нежилая кровать,
не желая желать.
А лететь по этапу
несбывшихся снов на мосты,
где в разбитом стекле
ещё можно увидеть черты.
Перелётные белые мухи
вращают часы.
И мотают часы
и минуты себе на усы.

Только к вечеру сад опустеет,
от зачеркнутых строчек темно,
ладно, ладно – тебе напевает
в приоткрытое ветер окно,

ладно-ладно, спроси себя: где я,
а ответу – не хочешь, не верь:
за окном догорает Помпея
и Венеция плещется в дверь.

Дмитрий Долматов (1970–1991)

Художник, арт-критик, автор проекта литературно-художественного журнала «Магазин “Детский мир”». Родился в Перми. Учился на филологическом факультете Пермского государственного университета. В 1988-1989 годах был одним из участников пермского неформального движения питерских «митьков» (вместе с Евгением Чичериным и Сергеем Стакановым). Трагически погиб, похоронен под Ленинградом. Автор посмертно изданной книги «Стихотворения» (Пермь, 1992), с которой была начата серия «Классики пермской поэзии» (автор проекта Виталий Кальпиди). Публикации в антологии «Современная уральская поэзия» (1996), журналах «Урал», «Уральская новь».

Встань в полный рост над тоской,
ветр аравийских песочниц,
выклянчи у богов
пайку туманного моря,
соль и холодный песок –
вот и готова опора
для кришнаитов любви,
для инвалидов бессонниц.
Выпита до половины
чаша рыбацкого эля.
Или ты будешь в раю,
или ты будешь на рее.
Лёгкой позёмкой несётся
стая твоих поцелуев:
Мёртвое море проснётся,
Красное море ликует.
– Гей! – поднимай паруса
на легкокрылой триере.

Завтра мы будем на дне.
Завтра мы будем на небе.

1990

Ну, вот и век прошёл, всего лишь век – не больше.
Разбросан снегопад, ты бесишься в снегу,
хохочешь у ручья. А вот что будет после
той чёртовой весны, я вспомнить не могу.

Ах, птичий тарарам, запущенный в окошко –
как паводок в постель – умоет эту прыть
разливом. Птицам – что! Они же не нарочно
играют то в весну, то в проводы, то в смерть.

Ласкайся и ластись, укутанная ветром,

стелись по дну лесов, по снежной простыне.
Капель тебе судья. А приговор – не лето,
не осень. И гуляй покуда по весне.
Там мы стоим в реке в цветах и с колпаками,
с силком на осетра, с капканом на лису.
Охота ли тебе то нас ловить руками,
то длинноногих птиц, то осень, то весну?

Август 1991

Александр Рудницкий (1962–1994)

Родился в Москве в семье учёных: профессора русского языка и исследователя в области вакуумной техники. Окончив школу, поступил в Институт культуры, но «не окончив его, ушёл, считая, что зря тратит время, слушая бездарные курсы о советской культуре» (из предисловия его матери, Аллы Акишиной, к поэтическому сборнику Рудницкого «Сказки крылатых звёзд» (Пуццино, 1995). Поступал в Литинститут, но не был принят по идеологическим причинам. Был убит в ночь с 8 на 9 апреля 1994 года.

Как верна мудрость человека:
Лучи длиннее – день на убыль.
Есть светлый дурачок от века,
Ещё бывает круглый рубль.

Рок хард

Ты убиваешь меня...

Кипячёная юбка, завернись же
я лишён твоего сахара, голубка, твоя любовь
хвалит халву.
Карниз умасти, голубь мой, тростниковым орлом.
В клёкот я жажду, голубка, купать
любовь твою в молоке.
Ты убиваешь мой пот. Ты танцуешь на
кинутой шляпе.
Ты кольцуешь меня – ветерком вертикальным.

Умер я, умер, голубка,
в снежную ночь,
любви кинута перчатка, ведь этому впору
всемогущий закон.
мерла я, умерла, голубь мой,
в заточенье.
Порхни, голубка. Чем я обречена,
голубь мой, ночь напролёт?

Спорхнул я на дол,

попал в сеть,
Ваша любовь
целлюлозы клетчатей.
Раз повидала и рассыпалась снегом,
Снег? снег летит летом. Снег выпадает в зените.
Ты восхищаешь горящую соль, ты танцуешь
на кинутой шляпе,
ты кольцуешь меня, – ветерком вертикальным.
Ты ворует горячую соль.

Ты танцуешь на
брошенной шляпе.
Ты кольцуешь меня –
ветерком вертикальным.

Ночь напролёт, ночь напролёт, ночь напролёт...
а казнь близка.

Виталий Владимиров (1969 – не раньше 1997)

Жил в Куйбышеве (Самаре). В 1980 годах посещал литературное объединение «Молодая Волга», потом был послушником в монастыре Оптиная пустынь, лечился в психиатрической клинике. Как вспоминает поэт Олег Айдаров, «...кто-то из наших общих знакомых сказал, что... Виталика [Владимирова] кто-то зарубил топором». Последний раз поэта видели в 1997 году. При жизни стихи публиковались в малоизвестных изданиях, после смерти – в журнале «Дети Ра» (№ 5(9) за 2005) и антологии «Русские стихи. 1950–2000» (сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов., А. Урицкий. М.: Летний сад, 2010. Т. II). Стихи, представленные в подборке, – из личных архивов Олега Айдарова и Георгия Квантришвили.

Это терпкое чувство: знать,
что нет уж пути назад,
когда ты передо мной.
Не могу я тебе сказать
всего, что хочу сказать, –
боюсь я речи прямой.
А когда тебя нет со мной,
и впереди – темно,
я думаю о тебе.
И вижу: ты рядом со мной,
и верю, что ты со мной.
И я говорю тебе
всё.

В грязной стране
живут грязные люди,

в грязных жилищах
едят грязную пищу
и мечтают о чуде
во сне...
А проснувшись, опять – в грязь,
но не обращают внимания
(привычка – вторая натура –
дура!).
Я им не ищу оправдания.
Я хочу отыскать связь
между грязью и чудом.